
Исторические и сравнительный анализ уголовной ответственности за преступления против правосудия

Хабиева Заира Докуевна

ст. преподаватель кафедры исполнительного
производства и организации деятельности судебных приставов
ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет"

E-mail: bela_007@bk.ru

Анализ накопленного исторического опыта в области российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против правосудия" позволяет сделать следующие выводы:

Интересы правосудия были предметом уголовно-правовой охраны на самых ранних этапах существования российского государства. В первых законодательных актах древней Руси (Русская правда, княжеские уставы, Новгородская и Псковская судные грамоты) формулировались правовые нормы, которые можно рассматривать как прообраз некоторых современных составов преступлений против правосудия.[1]

Дальнейшее развитие уголовного законодательства характерно двумя направлениями: во-первых, увеличением числа составов посягательств на интересы правосудия (Судебник 1497 г, Судебник 1550 г и последующие законодательные акты); во-вторых, стремлением законодателя консолидировать данные составы преступлений в одном разделе (главе) законодательного акта (Соборное уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г, Уголовное Уложение 1903 г.).

К 1917 году российское уголовное законодательство содержало достаточно развитую систему правовых норм, способных обеспечить охрану правосудия от преступных посягательств. Эти правовые нормы еще не были консолидированы в единой главе уголовного закона, однако такая тенденция была очевидна. Октябрьская революция прервала эволюционный процесс, поскольку происходила коренная ломка всех государственных и общественных институтов, что не могло не отразиться на законодательстве, в том числе уголовном. Процесс создания нового советского судебно-следственного аппарата и правовых норм по защите интересов правосудия от преступных посягательств проходил практически одновременно. Отказавшись от исторического опыта дореволюционного российского уголовного законодательства, авторы УК РСФСР 1922 и 1926 гг. не выделяли преступления против правосудия в самостоятельную главу, но данные составы преступлений были сформулированы в иных главах УК.[2]

Основная проблема уголовно-правовой защиты интересов правосудия в этот период государственного развития заключалась в том, что в данной сфере, как ни в какой другой, проявилась двойственность (если не сказать двуличие) советской власти: показное провозглашение и отстаивание принципов законности в деятельности правоохранительных органов, с одной стороны, и попрание этой законности на практике — с другой. Причины такого явления на разных этапах развития государства были различными. В первые годы это объяснялось необходимостью борьбы с классовыми врагами, затем повлиял культ личности руководителя советского государства, позднее — отстаивание политических догм советской власти. Эта двойственность проявлялась как в несоблюдении основополагающих принципов права при построении уголовных и уголовно-процессуальных норм, так и в дальнейшем грубом отступлении от уже принятых правовых норм.

Анализируя особенности современного уголовного законодательства зарубежных стран

об ответственности за преступления против правосудия, нормы действующего уголовного законодательства ряда стран Европы, Азии и Америки. Из всей совокупности существующих правовых систем в статье нами анализируются страны, относимые к романо-германской (континентальной) семье права.

На основе предложенной автором классификации формулируются следующие выводы: в уголовных законах зарубежных стран, принятых в относительно недавнее время, прослеживается общая тенденция выделения правосудия в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Следует признать это результатом эволюционного совершенствования системы уголовного закона вне зависимости от исторического пути развития того или иного государства; дальнейшее совершенствование норм о преступлениях против правосудия, технико-юридических приемов конструирования конкретных составов в отечественном законодательстве невозможно без учета мирового опыта нормотворческой деятельности, в частности криминализации незаконной деятельности адвоката, посягающего на интересы правосудия (Испания, ФРГ, Республика Сан-Марино), а также вмешательства (воспрепятствования) в законную деятельность защитника или представителя лица (Украина, Республика Казахстан); дифференциации ответственности за лжесвидетельство в зависимости от судопроизводства и значимости сообщаемой информации для решения дела по существу (Швеция, Швейцария, Бельгия, Франция), а также детализации ответственности свидетеля и потерпевшего за умолчание об известных им фактах, имеющих значение для разрешения дела (Испания, Болгария, Аргентина).

Литература:

1. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: будет ли востребована ст. 312 УК РФ после восстановления института конфискации имущества // Уголовное право. 2011. № 2. — С. 57-60.
2. Идрисов К.Р. Особенности мотивации преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами // Российский следователь. 2015. № 12. — С. 23–25.